

На следующий день после столкновения Риоки с Персуа и за день до того, как произошло всё остальное, в Целум было отправлено [Сообщение], адресованное Риоке и Эрин. Точнее, было отправлено два [Сообщения]. Магические послания были должным образом записаны, и, когда Риока вспомнила, что нужно заглянуть в Гильдию Магов, их без всяких происшествий предоставили обеим девушкам у стойки.

Эрин и Риока устали на короткий листок бумаги и аккуратный, хорошо читаемый почерк писца. Это было короткое послание, но оно затрагивало все те вопросы, о которых втайне беспокоилась Эрин.

Эрин, Мрша со мной, а за твоим трактиром присматривает Олесм. М беспокоится, но привыкает. Всё хорошо; не дай гоблинам себя зарезать. Я сказала Клбксктчу и Рэлку. Береги себя.

– Селис.

Эрин вздохнула с облегчением, глядя на сообщение, в то время как Риока смотрела на короткий ответ, полученный от Криши.

Мы будем ждать доставки. Остальные подождут до тех пор.

Она вздохнула не совсем с облегчением, но это её успокоило. Обе девушки покинули Гильдию магов, не отправив ответного послания, и встретились с Гарией и Иволет, чтобы заняться остальными делами. Хотя ситуация была неидеальной, Эрин и Риока согласились с тем, что до их возвращения все дела могли ещё немного подождать.

Однако и те, кто был в Целуме и в Лискоре, в своём обмене сообщениями упустили одного человека. Селис совсем забыла о нём, пытаясь справиться с беспокойной и расстроенной Мршей, а Криша была слишком занята заботой о своём племяннике Брункре, который лежал в постели и стонал из-за своей лапы. Эрин была слишком занята мыслями о Торене, чтобы помнить, а Риоке было всё равно. Таким образом, никто не упомянул о последней маленькой детали, оставшейся нерешённой в трактире Эрин.

Все они совершенно забыли о Лионетте.

Лионетта сидела в пустом трактире, принадлежавшем Эрин Солстис, и смотрела на закрытые ставнями окна. Было темно. В помещении было пусто и тихо, и падающий снаружи снег не нарушал удушающей тишины здания. Тем не менее Лионетта оставалась неподвижной, отказываясь двигаться. Она не плакала, и у неё не было истерики. Она была выше таких примитивных реакций.

Но ей было страшно. Между щелями в ставнях она видела, как падал снег. Это были

единственные ставни, не закрывавшие окно полностью. Она знала, что должна встать и закрыть их, но не хотела этого делать. Её удерживал страх.

Лионетта – или, на что она нехотя отзывалась, Лион – смотрела, как за окном медленно шёл снег. С пасмурного неба падали белые хлопья, исчезая в пустом пейзаже. Она наблюдала за снегопадом и думала, когда же он закончится. Отчасти ей хотелось, чтобы он никогда не прекращался, словно время было связано со снегом. Пока он падает, время не пройдёт, и ей не придётся столкнуться с реальностью.

Эрин Солстис больше не было. Однажды она вышла из трактира и больше не вернулась. Её больше не было, как не было и маленького милого ребёнка гноллов по имени Мрша. Ушла и Риока Гриффин, угрюмая девушка-Бегунья, и все гости перестали приходить. Теперь в трактире не было никого, кроме Лионетты. И, если вернутся гоблины, она просто станет трупом. Или хуже.

Лионетта дрожала во всё растущем холоде. Она не решилась разжечь огонь, хотя из-за зимней стужи закуталась во все вещи, которые дала ей Эрин. Она даже притащила вниз одеяло и теперь дрожала под ним. Иногда она могла видеть своё дыхание в воздухе... если она задерживала вдох, а затем медленно выдыхала, то видела небольшой паровой след.

Это было новым открытием для Лионетты. Она редко так долго бывала в местах, где ей было настолько холодно. О ней всегда заботились многочисленные слуги... подвергнуться такому потенциально смертельному холоду было невыносимо.

Но её слуги теперь на другом континенте, и Лионетта осталась одна. А Эрин, единственная, кто заботилась о ней, исчезла. Возможно, её убила гоблинская армия. Они ушли на север, так ведь?

При этой мысли Лионетта непроизвольно вздрогнула и чуть не упала со стула. Гоблинская армия. Они прошли мимо Лискора, огромная армия, такая же, как те, что возглавляли Гоблины-Лорды в прошлом. Девушка не видела ничего похожего на Гоблина-Лорда, но вида

армии было достаточно, чтобы подарить ей кошмары.

Лионетта отчётливо помнила ту ночь. Она спала в своей постели, и это был следующий день, после того как Селис забрала Мршу. Девушка спала плохо; она едва добралась до кровати, после того как дрейк наконец насильно вытащила гнолла из трактира, не обращая внимания на вой и страдающие крики, которые издавала детёныш. Но затем девушка услышала громкие крики наяву и очнулась от дремоты. Спустя минуту Лионетта поняла, что слышала не крики, а гоблинов.

Из темноты сквозь падающий снег выходила армия – сотни, тысячи гоблинов. Некоторые из них держали в руках факелы, но в основном все они были тенями, быстро передвигающимися по глубокому снегу, смеясь и визжа, когда свет факелов пускал блики от металла.

Гоблинская армия. Бич цивилизации. Лионетта была слишком напугана, чтобы считать и проверять, действительно ли их сотни тысяч, как тех, что шли в армии последнего Короля Гоблинов. Как только она поняла, что гоблины двигались к Лискору, она забаррикадировала дверь и убежала наверх, в свою комнату.

Лион укрывалась в своей комнате на втором этаже трактира, спрятавшись под кроватью, с бешено колотящимся сердцем, когда услышала, как мимо маршировало гоблинское войско. Первой её мыслью было, что гоблины напали на Лискор. Но это было не так. Вместо этого гоблинская армия обогнула город с восточной стороны. Они направлялись на север, в земли людей, и это вынудило их обойти Лискор стороной.

Гоблины единой массой прошли мимо стен города, пуская стрелы в защитников, в то время как [Стражники] удерживали позиции за зубчатыми стенами. В ответ было выпущено несколько залпов, но главным сдерживающим фактором стала светящаяся, потрескивающая молниями сфера, образовавшаяся над южной стеной. Она посылала молнии в сторону гоблинов, заставляя их разбегаться и отступать на более безопасное расстояние.

Лионетта, разумеется, узнала эти барьеры. Они были стандартными для большинства крупных

городов, которые регулярно подвергались нападениям монстров. И они оказались достаточным сдерживающим фактором для армии гоблинов, так как масса монстров не остановилась, чтобы нанести ответный удар, и исчезла на северной дороге. Лионетта смотрела, как исчезали тёмные фигуры, и ждала ещё дольше, пока последние жуткие завывания не растворились в тишине. Но она всё равно пряталась в трактире до утра и ещё много часов после него.

После этого... тишина. Лионетта оставалась в трактире ещё два дня, открыв дверь лишь однажды, когда к ней пытался войти странный дрейк, которого она смутно припоминала. Он мало что говорил... его звали Окресм или что-то в этом роде, и он ушёл, как только понял, что Лион всё ещё жила в трактире. Вернее, она его прогнала.

Теперь Лионетта жалела об этом, хоть и несильно. Прошло уже несколько дней, с тех пор как гоблинская армия прошла мимо, а она до сих пор ничего не слышала о местонахождении Эрин. По всем признакам, она исчезла.

Что же произошло? Риока ушла, бросив несколько отрывистых слов о том, что собиралась искать Эрин. Затем Селис решила забрать Мршу в город, и они ушли. А потом...

Ничего. Где же Эрин? Риока нашла её, или она всё ещё её искала? Лионетта была в неведении обо всём, и, когда день за днём с ней разговаривали исключительно её страхи, её паранойя усиливалась.

Эрин никогда не вернётся. А может быть, и вернётся, но раненой. Что, если её убил монстр или её скелет? Может быть, та тварь показала свою истинную суть и ударила её в спину или просто бросила Эрин в глуши. Она может быть мертва! Или съедена! Или...

Лионетта представила, как гоблины делали все те ужасные вещи, о которых ей рассказывала её [Гувернантка] или которые она узнала, подслушивая у дворцового персонала. Эрин могла столкнуться с армией гоблинов. Она могла умирать прямо сейчас.

Это, разумеется, не вдохновляло Лион отправиться на поиски Эрин, как это сделала грубиянка Риока. Она бы не знала, с чего начать, а гоблины наверняка бы её съели. Кроме того, Лион ничем ей не была обязана. Эрин Солстис была грубой простолюдинкой, которая ни к кому не относилась с уважением и была слишком доверчива для своего же собственного блага. В том, что с ней случилось, она, скорее всего, была виновата сама.

Но Лионетта должна была признать, что, когда рядом была Эрин Солстис, трактир никогда не казался таким мрачным. И он никогда не был таким...

Пустым.

Словно жизнь самого трактира ушла вместе с Эрин. На следующий день после её исчезновения все гости перестали заглядывать. Возможно, это было связано с гоблинами и отсутствием света в окнах – Лионетта перестала зажигать огонь в общем зале трактира, – но в один миг суэта в здании прекратилась.

Сначала Лионетта со всё возрастающим нетерпением ждала возвращения Эрин. Затем она боялась. А теперь, спустя много дней, она просто... молчала. Лионетта сидела в трактире день за днём, выходя лишь изредка, чтобы принести воды или сходить в сортир. Но чем дольше она сидела в этом мёртвом здании, тем больше понимала, что что-то должно измениться.

Это не было быстрым осознанием. Это была мысль, родившаяся после нескольких ночей, когда она спала спиной к двери, держа глаза широко открытыми, вздрагивая от любого случайного звука в ночи. Лионетта нашла небольшой денежный тайник Эрин и осознала, что большинство золотых монет были отданы Рогам Хаммерада или находились при Эрин, когда она исчезла. Девушка глядела в пустую кладовку и чувствовала, как в желудке росла маленькая дыра в том месте, где всегда была еда.

В первую ночь, когда Лионетта уснула, она плакала от сводящего живот голода, а в следующую просто спала, слишком измученная, чтобы даже плакать. Спустя шесть дней после исчезновения Эрин Лионетта осознала, что нужно делать. Она подняла взгляд и увидела, как очередная струйка тепла её дыхания растворилась в тёмном помещении Блуждающего Трактира. Она знала.

Эрин Солстис не вернётся. А если и вернётся, то это будет завтра, через неделю или даже через несколько месяцев. В любом случае, если её не будет ещё хоть немного, то будет уже слишком поздно. Поэтому Лионетта поняла, что ей нужно делать, пока Эрин нет.

Ей нужно работать. Или она умрёт с голоду.

Работа была во многих отношениях чуждым понятием для Лион, ненавистным. Унизительным. Но это не меняло фактов. Деньги Эрин были на исходе, а еды в здании было даже меньше. Она должна работать. Трактир Эрин существовал за счёт продажи еды клиентам, и она должна продолжать в том же духе.

Других вариантов Лионетта придумать не могла. Она не могла себе представить, как будет пробираться на север сквозь снег, а гоблины... нет. В городе ей появляться было запрещено, так что оставался только трактир.

Опять же, к такому выводу Лионетта пришла не по своей воле, а после двух дней поедания последних крошек обветрившегося сыра и такого же твёрдого хлеба, который был последней едой в кладовой. Она пребывала в отчаянии. Так девушка оказалась у двери, когда Олесм, дрейк, осторожно пробивался сквозь снег к её трактиру.

— Ты! Дрейк!

Он едва не выпрыгнул из собственной чешуи, когда Лионетта распахнула дверь. Она видела, что этот дрейк приходил к трактиру каждый день или, самое позднее, раз в два дня. Обычно он просто с надеждой заглядывал в одно из окон на несколько минут, прежде чем уйти. Если он видел её лицо, то обычно уходил быстрее.

— Ох. Это ты. Эм, Лион, так?

Лионетта широко улыбнулась дрейку и намеренно воздержалась от того, чтобы поправить его на своём имени.

— Верно. А ты... Олесм, верно?

— Верно.

Дрейк кашлянул и с надеждой заглянул в тёмный трактир.

— Эрин ещё не вернулась?

— Нет. Не вернулась.

— Ах. Понятно.

Дрейк помедлил.

— Ну, не буду тебе мешать. Я, эм, загляну завтра.

— Нет! Не уходи! Я имею в виду... почему бы тебе не остаться?

— Что?

Лионетта открыла дверь чуть шире. Дрейк заглянул в тёмный зал, и Лионетта осознала, что он, скорее всего, даже не видел, что внутри.

— Здесь темновато, но я разожгу огонь. Ты можешь остаться и... заказать что-нибудь!

Дрейк с сомнением посмотрел на Лионетту, когда она отчаянно улыбнулась ему.

— Но Эрин сейчас нет. А она трактирщица.

— Да, но я всё ещё здесь, разве нет?

— Думаю, да.

— Ну тогда почему бы не зайти? Трактир Эрин... это всё ещё её трактир даже без неё, так ведь?

— Наверное?

Олесм нахмурился. Он посмотрел назад, в сторону города, словно раздумывая, не уйти ли ему, а затем неохотно пожал плечами.

— Думаю, я могу ненадолго остаться...

— Хорошо!

Лионетта едва не вздохнула от облегчения. Она открыла дверь шире, и дрейк шагнул внутрь. Он поёжился; внутри трактира было едва ли теплее, чем снаружи.

— Как здесь холодно! Почему огонь не горит?

— Я... забыла.

Лионетта сделала вид, что возилась с хворостом в камине. Затем она высекла несколько искр из огнива, и огонь ожил. Олесм смотрел, как маленькое пламя поглотило стружку и начало

пожирать более крупные палочки, которые Лионетта положила в камин. Затем он оглядел пустое здание.

— Здесь так темно. И мрачно. Эм, не то чтобы это было плохо. Наверное, когда Эрин здесь нет...

Он прочистил горло.

— Ты... ты сказала, что у тебя есть что-нибудь поесть? Я бы не отказался перекусить.

— Еда? Ох, раз уж ты об этом заговорил...

Лионетта как можно более непринуждённо повернулась и продемонстрировала Олесму своё лучшее сокрушённое выражение лица.

— Прости, но я забыла... в кладовой ничего не осталось. Когда Эрин пропала, за покупками ходить стало некому.

— А ты?

Дрейк нахмурился, глядя на Лион. Она помедлила.

— Я не могу войти в город. Мне запрещено.

— Ох, да. Верно. Ты воровка.

— Я...

Лионетта помедлила. Затем она медленно закрыла рот. Она действительно была воровкой, даже если у неё не было класса [Вора]. Она не считала себя таковой, но дрейки и гноллы думали о ней именно так. Она должна ему угодить.

— Да. Верно.

Девушка постаралась придать себе наиболее извиняющийся вид.

— Это, разумеется, всё моя вина. Я бы сходила за покупками, но не могу. Так что здесь нечего есть.

— Ах.

Дрейк просто уставился на Лионетту. Она снова прочистила горло.

— Я не знаю, что я буду делать без еды. Если я не смогу обслуживать разумных, как я буду держать трактир открытым, пока Эрин не вернётся?

— Ты? Ты собираешься держать Блуждающий Трактир открытым?

Взгляд, которым Олесм одарил Лион, был полон неверия. Она стиснула зубы, но кивнула.

— Это моя работа. В конце концов, я [Барменша]. И работник Эрин Солстис. Она сама так сказала. И какой я буду... помощницей, если не смогу держать её трактир открытым и не заработаю ей денег, пока её нет?

— Полагаю, в этом есть смысл.

Олесм нахмурился, почесав подбородок. Лионетта кивнула, пока на её лице всё ещё была отчаянная улыбка.

— Так что мне нужен кто-то, кто поможет доставить еду в трактир, пока Эрин нет. Я, разумеется, заплачу... и ты сможешь здесь поесть!

— Подожди, что? Ты хочешь, чтобы я принёс тебе еду?

Дрейк выпрямился на стуле и сильно нахмурился, глядя на Лионетту. Она кивнула, не отводя от него взгляда.

— Придётся. Не готовую еду; я буду продавать еду, как это делала Эрин. Но тебе придётся принести сюда продукты, чтобы я могла их приготовить. Иначе я умру с голоду. А тебе бы этого не хотелось, правда?

Дрейк бросил на Лионетту взгляд, который был не настолько обнадеживающим, как она надеялась. Но в конце концов он согласился найти способ доставить Лионетте больше еды.

— Думаю, я смогу сделать несколько ходок... но как ты будешь держать трактир открытым? Разве без Эрин это место не потеряло свою привлекательность? Зачем кому-то сюда тащиться?

— Разумеется потому, что я буду готовить прекрасную еду и обслуживать разумных с изяществом и приличием!

— Правда? Ты?

Олесм выглядел совершенно неубеждённым. Лионетта стиснула зубы, но улыбнулась ему.

— У меня есть кулинарный Навык.

— Правда?

— Абсолютно. И я обслуживала столики почти месяц. Просто принеси ингредиенты, а я всё приготовлю. И знаешь, почему бы тебе не принести немного прямо сейчас? У меня есть деньги и список прямо здесь...

— Ну, сейчас вроде как холодно... ты имеешь в виду сейчас? А как же...

Олесм моргнул, когда Лионетта сунула ему в когти лист пергамента и несколько монет, после чего практически вытолкнула его за дверь. Девушка с тревогой наблюдала, как он смотрел на трактир, а потом увидела, как дрейк медленно начал спускаться к городу, пока её сердце бешено колотилось.

Она это сделала! Но настоящей проверкой будет, вернётся ли он. Лионетта смотрела в окно на слабые очертания Олесма, когда тот входил в город. Она села у окна и неподвижно уставилась на ворота, пока воздух в зале медленно нагревался.

Ей казалось, что прошло полторы вечности, прежде чем Лионетта увидела, как из города вышла грузная фигура и начала идти в её сторону. Прошло ещё больше времени, прежде чем дрейк с трудом поднялся на холм и в изнеможении опустил на порог сумки с ингредиентами, когда девушка распахнула дверь.

— Большое спасибо, что принёс всё сюда!

— Что? Да ничего особенного. Точнее это было немного тяжеловато... Полагаю, у тебя нет ничего выпить?

— Сначала я должна приготовить.

Лионетта уже была занята открыванием завязок на сумках. Олесм кивнул, опускаясь на стул.

— В таком случае я бы не отказался перекусить. Чего-нибудь горячего.

— Ох. Сейчас?

Девушка уставилась на дрейка. Он уставился в ответ.

— Да. То есть ты ведь собираешься готовить еду, верно?

— Разумеется. Но... — Лионетта помедлила. — ...Сначала я должна поработать над несколькими рецептами. Почему бы тебе не прийти через два дня? Тогда мне, скорее всего, понадобятся ещё некоторые ингредиенты. Или... ты можешь вернуться сегодня вечером, если хочешь что-то купить.

Дрейк возмущённо уставился на объёмистую сумку с припасами, которую он притащил.

— Что? Моя еда не за счёт заведения?

— Нет!

Лион впилась в него взглядом. Дрейк в ответ поступил так же.

— Ладно, думаю, я зайду позже. Ну, если ты не занята.

— Так и сделай. И помни, скоро мне понадобится больше еды! И передай своим... друзьям: Блуждающий Трактир снова открыт!

Лиона едва слышала, как хлопнула дверь, когда Олесм вышел. Она была слишком занята разглядыванием чудесного содержимого сумки. Яйца, аккуратно завёрнутые, чтобы не разбились, свежий сыр... мука... её желудок неудержимо урчал, а руки Лионетты тряслись.

Половина неё хотела съесть всё сырым, но она заставила себя отнести всё на кухню и сначала разложить все ингредиенты. Она должна сделать это правильно.

Девушка почти машинально достала ингредиенты и разложила их на столе, а огонь, разведённый ею на кухне, стал согревать воздух и там. Девушка дула на руки, не обращая внимания на пустой желудок, пока готовилась. Она собиралась готовить. Она, Лионетта дю Маркин, собиралась приготовить обед.

Горячий стыд и жгучее желание накатывали на неё волнами, но пустота в желудке подавляла все остальные чувства. Лионетта смотрела на ингредиенты и представляла себе что-то простое. Макароны. Она вспомнила прекрасную лапшу с маслом, которую Эрин подала ей и другим гостям в трактире однажды вечером. Она, разумеется, сможет её сделать, так?

Лион владела Навыком [Базовой Кулинарии], что вызывало у неё одновременно и стыд, и

восторг. Это был навык простолюдинов, да, но это был её Навык. Её.

Вот так она и стала готовить на кухне, используя муку, соль, яйца и немного воды. Сначала Лионетта смешала муку и соль, а затем сделала углубление в кучке порошка, чтобы добавить взбитое яйцо. После этого она размяла липкую массу, пока та не начала загустевать. Как по волшебству, отвратительное месиво из яйца и муки превратилось в другую субстанцию. Тесто!

Это было тесто, то самое, которое Лионетта видела, как пекари превращали в золотистые буханки хлеба! Она посмотрела на маленький шарик, лежащий на кухонном столе, и в изумлении уставилась на свои покрытые мукой руки.

— Так вот как это делается? Это так... просто!

Она ожидала, что потребуется какой-то трудоёмкий процесс или сложная смесь ингредиентов. Но это? Всего несколько минут усилий, и она почти закончила готовить! Часть Лион была в восторге, пока другая возмущалась тем, что люди так много платили [Пекарям] и [Поварам]. В этом ведь не было ничего особенного!

Но Лионетта быстро поняла, что она ещё не закончила, так как её Навык подсказывал ей, что нужно продолжать. Ей пришлось месить тесто в течение нескольких минут, пока слабые руки Лионетты не свело судорогой от усилий. Затем ей пришлось найти в одном из ящиков скалку и разровнять тесто. После этого Лион пришлось разрезать тесто на длинные полоски, а затем вскипятить воду.

Это было самым сложным. Разумеется, в прошлом Лионетта много раз ходила за водой для Эрин, но она ненавидела эту обязанность и делала всё как можно медленнее. Поскольку сейчас она готовила еду для себя и она была одна, у Лионетты не было оправданий. Ей пришлось дважды сходить за водой, и, к тому моменту, как увидела закипающую на огне воду, она уже выдохлась.

После этого Лионетта добавила в воду макароны и немного соли, принявшись беспокойно помешивать содержимое кастрюли, наблюдая за вращением лапши. Спустя две минуты макароны были готовы. Лионетта вылила воду на улицу и вычерпала лапшу из кастрюли, встряхнув её, чтобы избавиться от остатков воды. Затем она выложила всё в одну кучу на тарелку и принялась за еду.

У мерцающего огня в тёплом трактире юная [Принцесса] дрожащей рукой с помощью слегка погнутой вилки отправила в рот первую порцию лапши. Она укусила, прожевала и глотнула, проглатывая пищу почти слишком быстро, чтобы почувствовать её вкус. Но вот она попробовала второй кусочек и третий, и её лицо мрачнело с каждой новой порцией макарон.

Этого не могло быть. Но это было так. Пока ноющая боль в желудке утихала, Лионетта медленно пережёвывала слегка водянистую лапшу и осознавала правду. Её еда не была отличной. Она даже не была хорошей. Она была безвкусной. Нет, хуже, она была просто посредственной. Да, благодаря своему навыку она приготовила лапшу, но это было далеко не то, что Эрин могла делать сейчас.

Лионетту мучил голод, но даже так она не смогла доесть огромный кусок лапши на своей тарелке. После двух третей она просто села и уставилась на бледную массу, испытывая отвращение и разочарование в равных долях.

Это было совсем не то. Она вспомнила чудесную лапшу, которую Эрин готовила не так давно... масляную, горячую и восхитительно ароматную благодаря каким-то травам. Она была восхитительна даже без фрикаделек. При одном только воспоминании у Лионетты потекли слюнки.

Но это? Это были просто макароны, едва пригодные к употреблению. Это был позор для любого трактира, и, что ещё хуже, это было приготовлено Навыком. Навыком Лионетты. Неужели это всё, что она могла сделать даже с [Базовой Кулинарией]?

Лионетте снова захотелось плакать. Это было несправедливо. Почему она так плохо приготовила? Она помнила, как попросила одну из своих [Горничных], владеющую [Базовой Кулинарией], приготовить ей что-нибудь перекусить, и хотя это было не очень вкусно, но не... так. Что она сделала не так?

Затем она вспомнила, что говорил один из её наставников в те редкие дни, когда она слушала. Навыки могли значительно улучшить способности разумного и даже дать ему возможность делать то, что он никогда не смог бы делать в обычных условиях, например, ловить рыбу, обрабатывать металл или даже сражаться. Но Навык улучшал то, что уже было.

Если два [Воина] с одинаковыми навыками сойдутся в сражении, то неизбежно победит тот, кто дольше тренировался и имел больше реального боевого опыта. Точно так же с [Базовой Кулинарией]. Если Лионетта никогда не готовила еду, все её кулинарные способности будут именно такими: базовыми.

В течение двух минут Лионетта просто пялилась на холодную тарелку с лапшой, а затем услышала стук в дверь. Её тело мгновенно напряглось от страха и опасения, но ведь гоблины не стали бы стучать, не так ли? Это был не монстр, это был гость. Гость!

Она вскочила на ноги и распахнула дверь. Её мысли метались... не слишком ли внутри холодно? Она должна была открыть окна, чтобы все знали, что трактир сегодня открыт! А что с готовкой? Она не могла подавать еду... что она должна сказать? Что там Эрин всегда говорила ей говорить новым клиентам? «Добро пожаловать, присаживайтесь, пожалуйста» или «позвольте мне взять ваше пальто»?

У разумного, стоявшего в дверном проёме, когда Лионетта открыла дверь, не было пальто. Массивный дрейк – гораздо крупнее Олесма – смотрел на Лионетту сверху вниз, а она смотрела на него снизу вверх. Спустя мгновение он кашлянул.

— Привет... ты.

— Эм, добр... У вас есть место для пальто?

— Что?

Лионетта покраснела. Дрейк неловко почесал шипы на затылке и посмотрел мимо девушки в трактир. Его глаза отметили одинокую тарелку и тусклый огонь, прежде чем вернуться к ней.

— Эрин уже вернулась?

Лионетта сглотнула. Она смутно узнала дрейка: это был Рэлк, тот самый, которого Эрин выгнала из трактира раньше. Но ведь он тоже был гостем, разве нет? Она постаралась улыбнуться как можно приветливее, открывая дверь чуть шире.

— Пока нет. Но, может, вы хотите остаться и чего-нибудь пое...

— Не-а. Покедова.

Дрейк повернулся, прежде чем Лионетта успела закончить фразу. Она в отчаянии распахнула дверь, чтобы окликнуть его, но её дыхание перехватило, когда она увидела чёрную фигуру антиниума, стоящего рядом с дрейком на снегу. Он был так неподвижен, настолько молчалив, что она даже его не заметила.

Клбкч секунду смотрел на Лионетту, а затем повернулся, чтобы уйти с дрейком. Лионетта стояла в дверях и смотрела на спины двух [Стражников]. Они ждали, пока отойдут от трактира на несколько шагов, прежде чем начать говорить, но ветер доносил их голоса с холма в её сторону.

— Похоже, Эрин ещё не вернулась.

— В самом деле.

— Но что это был за человек? Я её раньше не видел, а ты?

— Я думаю, это была воровка, которую наняла Эрин Солстис.

— Кто?

— Та, кто сжёг магазин мисс Криши, я полагаю. Та, кого изгнали из города.

— Кто?

— Человеческая девушка.

— Их много...

— Та, которая назвала тебя «чешуйчатым олухом».

— О! Эта. Эй, можно я вернусь и немного её постукаю?

Лионетта попятилась назад в дверной проём, но второй голос остановил первый.

— Это было бы неразумно. Если Эрин Солстис вернётся и обнаружит, что ты напал на её сотрудника, она, скорее всего, навсегда запретит тебе вход.

— Проклятье. Ты уверен?

— Вполне. Позже ты должен подарить ей подарок с извинениями. Хотя сначала тебе придётся купить ей подарок.

— Хррх. Я знаю, знаю. Но что вообще любят человеческие женщины? Может, мне подарить ей мясо? Драгоценности? У меня нет с собой столько денег, знаешь ли.

— Я рекомендую поинтересоваться. В городе есть люди. Давай спросим у них.

— Ну ладно. Раз уж приходится. Эй, а где бы нам сегодня поесть?..

Голоса прервались, когда ветер сменил направление. Лионетта дрожала, стоя в открытом дверном проёме ещё мгновение, глядя на тёмный снег. Затем она закрыла дверь. Она чувствовала себя... плохо, хотя и не знала почему. Но в трактире было много света, особенно когда она открыла окна и добавила в огонь ещё топлива. Было тепло и светло, и она чувствовала себя почти как раньше, даже если ужин и был безвкусным. Но это было не то.

Совсем не то.

В тот вечер пришёл кое-кто ещё. Лионетта была на кухне, пытаясь придумать, как сделать макароны вкуснее, когда услышала, как открылась дверь. Она поспешила в общий зал и увидела мужчину в поношенном прочном тёмном плаще, который стряхивал с него снег, оглядываясь по сторонам. Единственным его оружием был кинжал на боку, но он шёл так, словно для того, чтобы убить всё, что могло встать у него на пути, ему понадобился бы только один пронзительный взгляд.

Лион узнала этого человека. Он выглядел таким же раздражённым, как и всегда, но сегодня, пожалуй, даже больше. Выражение его лица было мрачным, и он напомнил Лион самых старых и ворчливых королевских солдат. Она знала, что он – авантюрист Золотого ранга. Это заставило её слегка подстроиться под него, пусть она и принадлежала к королевской семье. И сделала это она уж точно не потому, что его боялась. Ну, может быть, чуть-чуть.

— Д-добро пожаловать, сэр! Мисс Солстис ещё не вернулась, но, если вы хотите остаться, я могу приготовить вам макарон...

Пронзительный взгляд Халрака заставил Лион застыть на месте. Он посмотрел на неё, а затем окинул взглядом весь трактир, покачав головой и раздражённо хмыкнув.

— Хмф.

Он повернулся и ушёл, не сказав больше ни слова. Лионетта наблюдала за его уходом через одно из окон, пока авантюрист топал по снегу обратно в город. Она не знала, что и думать по этому поводу, но, представив, сколько денег мог бы потратить авантюрист Золотого ранга, Лионетта почувствовала себя ещё хуже.

В общем, когда к в трактир заглянул Олесм, это было почти облегчением. Дрейк был всё ещё раздражён, но на ужин он пришёл один. Он заметно повеселел, когда Лионетта подала ему макароны и сказала, что платить за них не придётся. Однако выражение лица дрейка сразу же изменилось, когда он откусил от на этот раз пересоленной порции. Дрейк съел четыре кусочка, а затем отодвинул тарелку и больше к ней не притрагивался.

Задержался он ненадолго. Олесм остался лишь затем, чтобы рассказать Лионетте о разграблении Эстхельма гоблинской армией, о том, что Эрин жива и находится в Целуме и что в ближайшее время она не вернётся. Девушка засыпала его вопросами, но у дрейка не было ответов.

— Я не знаю, когда она сможет вернуться, ясно? — огрызнулся он, отпив немного горячей воды, которую вскипятила Лион, и скривившись от её вкуса.

Это была та же вода, в которой она варила макароны, и после очередного глотка Олесм поставил её обратно на стол.

— Но... когда она будет возвращаться... Она сможет вернуться?

Лионетта заламывала руки. Олесм только пожал плечами, выглядя несчастным.

— На дорогах опасно, и, честно говоря, там, где она сейчас, ей безопаснее. После того как у всех в городе сработало [Чувство Опасности], Зевара поставила у входа в подземелье постоянный караул из всех свободных [Стражников], которых смогла собрать.

— Подземелье?

У Лионетты не было [Чувства Опасности]. Она даже не знала, что вход в подземелье был открыт. Олесм кивнул, воскликнув:

— Никто из авантюристов не хочет туда идти. Охота Грифона ещё даже не прошла через вход, а все остальные группы остаются на месте. Никто не знает, что оттуда вылезет... и вылезет ли вообще. Кто-то должен войти, но, пока одна из групп не наберётся смелости, это дополнительная угроза для города наряду с гоблинами.

Он вздохнул и встал. Лионетта с тревогой наблюдала за ним. Олесм посмотрел на еду и воду, коротко покачал головой и стал копаться в кармане.

— Вот.

Он положил на стол несколько медных монет и кивнул на них.

— За еду. Похоже, я не так уж и голоден.

— Ты уходишь? Уже?

Лионетта удивилась тону собственного голоса. Обычно она была бы только рада тишине, но Олесм был первым разумным, вошедшим в трактир после ухода Эрин. Дрейк кивнул, выглядя усталым.

— Мне нужно кое-что спланировать с Зеварой и... в общем, я занят. Но я загляну завтра.

— Но почему бы не остаться здесь? Ещё ненадолго, я имею в виду?

Олесм выдержал паузу, выглядя неловко.

— Мне действительно пора идти. Мне ещё нужно пое... то есть у меня много...

Он остановился и уставился на что-то в углу комнаты. Лионетта перевела взгляд на призрачную шахматную доску на одном из столов. Ни одна из фигур не двигалась, с тех пор как Эрин ушла, но взгляд дрейка задержался на них на несколько секунд. Он снова посмотрел на Лионетту.

— Ты случайно не играешь в шахматы?

Лион неохотно покачала головой. Она помнила, что это была последняя тенденция у придворных, но сама она никогда игрой не интересовалась. Олесм выглядел разочарованным.

— Ох.

Вскоре он ушёл, несмотря на попытки Лионетты уговорить его остаться. После этого Лион устала на испорченные макароны и швырнула их в огонь вместе с тарелкой. Это создало ужасный беспорядок и вонь, когда макароны сожрало пламя. Затем Лион просто встала в центре зала, пока запах подгоревшей еды заполнял трактир.

Она была потеряна. Лионетта несколько минут отчаянно пыталась подавить слёзы, но потом они вырвались наружу, и она просто стояла в пустом трактире, позволяя им катиться по щекам и капать на пол.

Всё было кончено. Она не могла этого сделать. Она не умела готовить, и она никому не нравилась. Лионетта это знала... раньше она даже радовалась этому знанию. Но теперь она знала, что это будет её смертью. Её еду покупать никто не будет. Она умрёт от голода, и Эрин найдёт только её кости в трактире, когда вернётся.

Она – ошибка. Это всё, кем она была и кем будет. Жалкая третья дочь маленького королевства, умирающая в одиночестве в трактире, который ей не принадлежит. Она – никто.

Девушка свернулась калачиком на полу, глядя, как угли камина то разгорались, то затухали. Она перестала плакать, потому что даже это было бесполезно, и просто лежала, ожидая смерти. Девушка затихла, свернувшись в клубок страдания. Но затем открылась дверь, и

внутри вошёл антинуиум.

Паун не знал, зачем он пошёл в Блуждающий Трактир. Просто его ноги сами его туда принесли. Антинуиум понятия не имел, что делать и куда идти; он просто знал, что сможет найти ответы на свои вопросы, если немного послушает одну девушку.

Прошло много времени, с тех пор как он сюда приходил. Собственно, сегодня утром он и не собирался ничего подобного делать. Паун проснулся, сидя на своём маленьком спальном месте, и решил, что сегодняшний день будет таким же, как и все остальные. Пустым и полным неопределённости.

Антинуиумы не ложились для того, чтобы поспать. Не то чтобы они не могли, но их спины не изгибались, как у млекопитающих. Спина самого Пауна во многом напоминала спину жука, и ему не нравилось раскачиваться, когда он пытался лечь. Таким образом, и Рабочие, и Солдаты спали сидя. Это было наиболее экономичным использованием пространства, и в огромном спальном помещении, похожем на барак, где размещалось пятьсот Рабочих, Паун отдохнул свои положенные шесть часов.

Так начался день Пауна. Он вытащил себя четырьмя руками из своей маленькой грязной каморки и встал в ряд с другими Рабочими, которые синхронно выходили из помещения, чтобы получить утреннюю порцию еды.

Сегодня Пауну было легче себя вытащить, чем несколько недель назад. На его руках отросли все пальцы, кроме нескольких, а отрубленные конечности почти полностью восстановились благодаря уникальным целебным веществам, которые использовали антинуиумы. Стоя позади Рабочего, Паун разминал пальцы и удивлялся тому, что от одного этого простого действия ему становилось намного легче.

Рабочие впереди и позади Пауна не смотрели на свои руки и даже не двигались, помимо того, чтобы шагнуть вперёд. Они не были похожи на него. Они смотрели прямо и не разговаривали. И они давали Пауну больше места, чем это было минимально необходимо.

Он был странным. Паун это знал, но старался не пользоваться своим положением. Когда он встал в очередь, Рабочий дал ему столько же коричнево-серой пасты, сколько и другим Рабочим. Возможно, если бы он попросил больше, ему бы дали, но и рассчитанного пайка будет достаточно, чтобы продержаться весь день. Кроме того, никто никогда не просил у Рабочего больше, чем положено.

Паун стоял в зоне приёма пищи и медленно глотал полученную им гадость. У антинуиумов не было мест, где можно было бы поесть сидя; они просто брали свои пайки в глиняных мисках и ели как можно эффективнее, прежде чем поставить миски на место, чтобы их снова использовали Рабочие, приходящие в помещение.

Рабочие и Солдаты ели отдельно. Не потому, что одна группа ела более качественную пищу, чем другая... они все ели одну и ту же высококалорийную пасту, просто Солдаты ели в три раза больше, чем Рабочие, и поэтому использовали другие контейнеры, что требовало отдельного помещения для питания. Паун уставился на коричневый комок перемолотого... чего-то, положил его между мандибулами и принялся жевать. Еда проглотилась легко, но вкус...

Он уже привык к нему. Тем не менее привыкание трудно было назвать лёгким. Рабочие ели быстро, не выказывая никаких признаков отвращения, хотя Паун знал, что они испытывали тот же вкус, что и он. Если бы у них был рвотный рефлекс или альтернативный источник пищи, всё могло бы быть иначе.

Но еда была едой, и альтернатив не было. Кроме разве что трактира Эрин. Паун помнил, как ел там вкусную пищу, и ему пришлось заставлять себя доест остаток пайка. На последнем кусочке что-то хрустнуло. Что-то было не полностью переработано? Но антинуиум всё равно это проглотил. Это было приятным дополнением к остальному пайку. Возможно, это был фрагмент кости.

Затем, как только они закончили есть, Рабочие, как один, вышли из большой пещеры, где готовилась еда, и направились в туннели, чтобы приступить к своим ежедневным обязанностям. Паун следовал за ними, не замедляясь, чтобы пригнуться, хотя потолок туннеля был едва ли в футах над его головой.

Это была ещё одна особенность улья антинуиумов в Лискоре. Хотя некоторые из пещерных помещений были действительно очень большими, рассчитанными на большое количество антинуиумов, многие части Улья были оптимизированы для экономии места. Так, туннели, используемые исключительно Рабочими, были едва достаточно просторны для их размещения. В тесных коридорах, рассчитанных на одновременное пребывание двух Рабочих, у них был только фут свободной высоты. И в нём двигался поток Рабочих, идущих к своим ежедневным обязанностям...

Любое существо, страдающее клаустрофобией, сильно бы мучилось. Паун не возражал против тесноты; это было то, к чему он привык. Он шагал вместе с сотнями других Рабочих. Они шли по туннелям и рядом друг с другом в идеальном, синхронизированном потоке движения, который никогда не останавливался и не терял времени попусту. Сотни Рабочих двигались во всех направлениях, поднимаясь на поверхность, чтобы работать на город, или погружаясь глубже, чтобы копать, укреплять обвалившиеся стены туннелей или выполнять другие задачи в Ульяе.

Это была лишь одна из смен Рабочих, которые сменяли друг друга в течение дня. Паун был одним из тех Рабочих, которые спали с полуночи до рассвета, поэтому он считал себя обладателем близкого к «нормальному» режиму сна. Но существовали и другие Рабочие, которые спали в середине дня. Не то чтобы это имело значение; время суток в Ульяе мало что значило.

Паун шагал по узким коридорам Рабочих, пока не вышел к главному перекрёстку Улья. Здесь движение расходилось, и всё новые и новые тела вливались в непрерывающийся каскад движения. Крупные Солдаты маршировали огромными колоннами по огромному шоссе тел, направляясь на укрепление слабых мест в Ульяе, или же чтобы поесть, или просто отдохнуть, пока их снова не призовут. Здесь Рабочие присоединялись к другим потокам, двигаясь вглубь Улья или вверх.

Паун шёл вперёд, следуя за Рабочим впереди себя, пока не дошёл до разрыва в потоке. Там он в сомнениях остановился. Рабочий позади него остановился, как и рабочий за ним, и за ним, и так далее. В одно мгновение тысячи тел остановились на одну критическую секунду, пока Рабочий за Пауном неловко его не обошёл. Рабочий, стоящий за ним, последовал его примеру, как и следующий, и следующий...

Поток тел мгновенно возобновился. В отличие от движения в мире Эрин, Рабочие не колебались. Они двигались совершенно синхронно, так что после первоначальной паузы поток возобновился без каких-либо пробок. Тем не менее инцидент стоил всем Рабочим, следующим за Пауном, драгоценной секунды бездействия. Паун знал, что должен чувствовать себя виноватым, но не чувствовал.

Он уставился на антинуиумов, шагающих вокруг него. Это были Рабочие, выполняющие свои обязанности. Напротив него по коридору быстро, почти бегом двигался поток Солдат. Возможно, они были на пути к сражению с монстрами.

Пауну стало интересно, что произойдёт, если он выйдет впереди них. Солдаты просто растопчут его? Они поступали так с другими Рабочими, которые случайно оказывались у них на пути. Но будет ли его статус Личности означать, что они будут его избегать?

Он решил не проверять эту теорию. Вместо этого Паун возобновил ходьбу, вызывая микросекунду задержки, когда он снова влился в поток Рабочих. Он направился вверх, к специальному помещению, построенному у поверхности Улья.

Большое помещение было отделено и получило новое назначение. Вместо того чтобы служить очередным помещением для приёма пищи, зал с низким потолком был заставлен подушками, небольшими прямоугольными деревянными досками, заполненными фигурами, и здесь даже были стулья. Антинуумы, исключительно Рабочие, сидели за досками, играя в шахматы.

Все они приостановились, когда внутрь вошёл Паун. Рабочие посмотрели на него, а затем возобновили игру. Он обвёл взглядом зал, рассматривая всех сидящих антинуиумов, играющих в шахматы.

По правде, грунтовый потолок был слишком низким, чтобы Рабочие могли сидеть на стульях. Вместо этого они сидели вокруг шахматных досок на грязи, совершенно не обращая внимания на подушки, которые были аккуратно сложены в одном углу помещения и никогда не использовались.

В данный момент в зале находилось около шестидесяти Рабочих, и все они были заняты настольной игрой. Никто из них не поднимал взгляда от своих досок, и они двигались с очень равными интервалами. Ритмичный стук деревянных фигур, мягко касающихся дерева, успокаивал Пауна. Но он не сел за пустую доску, как обычно поступал. Если бы он сел, то спустя несколько секунд у него был бы соперник. Но сегодня Паун этого не хотел.

Вместо этого он прислонился спиной к одной из грунтовых стен. Паун смотрел вперёд, но не на шахматистов. Все они были новыми личностями, теми немногими, кто выжил и не стал Аберрацией, как остальные. У них были имена, и все они учились играть в шахматы, согласно рекомендациям, которые Паун дал Клбкчу.

Но они были... не такими, как он. Паун это знал. Эти новые Личности не были похожи на него. Они также не были похожи на первоначальных Личностей, первоначальных Рабочих, которые выбрали себе имена.

— Хах, — громко хохотнул Паун от нелепости подобной мысли.

Все Рабочие в помещении мгновенно приостановили свои шахматные партии и синхронно обернулись на него. Паун застыл на месте, не зная, что делать. Спустя секунду Рабочие вернулись к играм, словно ничего не произошло.

На этом всё. Паун закрыл мандибулы и постарался не издать больше ни звука, когда шум шахмат возобновился. У этих новых Личностей были имена, но у них не было того, что было у него и других. Они по-прежнему, как любые другие Рабочие, просто подчинялись приказам и не выражали своего мнения. У них не было индивидуальности, как у него, Бёрда, Белграда, Ананда и Гарри, единственных выживших первоначальных Личностей. Разумеется, вины этих новых Личностей в этом не было. Их заставили сделать этот выбор, они не сами его совершили. У них не было... Эрин.

Несколько месяцев назад всё было проще. Тогда Улей был логичен для Пауна. Там были Рабочие и Солдаты, Прогнугатор и Королева. Вот как всё было. Но теперь пусть Рабочие и Солдаты остались, да и Королева была неизменной, но теперь у них был Ревелантор в виде Клбкча, который также действовал как Прогнугатор. Он выгнал бывшего Прогнугатора, Ксмвра, который также был новым Прогнугатором из Улья. И появилась новая группа антинуиумов.

Личности. Более сотни Рабочих, которые выбрали себе имена и прошли проверку на индивидуальность, не став Аберрацией. Но в этой группе Личностей было пять... лидеров.

Нет, не лидеров. Пять исключений. Пять изначальных Личностей, которые стали таковыми по собственной воле, чтобы спасти человека по имени Эрин Солстис. Они были шахматным клубом, её шахматным клубом, Рабочими, которые играли в её трактире каждые несколько дней. И они почти все отдали свои жизни, чтобы защитить её от нежити.

Это была настоящая перемена в Улье. Пять антинуиумов сделали выбор и стали Личностями, получив классы, имена и настоящую индивидуальность. Они начали быстро повышать свой уровень, как любой другой вид, и стали...

Уникальными. И надо сказать, что из этих пяти один выделялся особенно.

Паун.

Он был первым. Паун это знал. Он был первым, кто выбрал имя, первым, кто сделал выбор. Поэтому все относились к нему как к особенному. Клбкч, Королева... они не давали ему никаких обязанностей, никакой ответственности. Они просто наблюдали за ним, чтобы увидеть, что он будет делать. А Паун понятия не имел, что делать, поэтому чаще всего он просто подходил в шахматный зал и либо играл, либо сидел вот так.

Он ничего особенного не делал. Паун просто сидел здесь день за днём. На самом деле он думал. Это было всё, что он мог делать. Он не был одарённым воином, как Бёрд, и не особенно интересовался другими классами, как Гарри, Белград и Ананд. Остальные четверо уже начали специализироваться в своих ролях, как и надеялась его Королева. Бёрд начал использовать лук, чтобы даже в зимнем климате добывать большое количество птиц, в честь которых он и выбрал себе имя, а Гарри научился их жарить и делать из их тушек вкусные закуски.

Белград и Ананд продолжали совершенствоваться в классе [Тактика]. Они уже провели множество боёв с монстрами в туннелях подземелья. Все они становились полезны для Улья. Но Паун был другим.

Все Рабочие это знали. Паун это знал. Он был другим. Он был первым Рабочим, с которым заговорила Эрин, первым Рабочим, который выбрал себе имя. Даже остальные четверо относились к нему по-другому. Потому что он был первым. Он был особенным. Он не просто выбрал, его выбрала Эрин.

Он был уникальным. Но Паун понятия не имел, что это значило.

Он знал, чего хотела его Королева, чего хотел Клбкч. Они хотели, чтобы он стал полезным воином или активом Улья. Они хотели, чтобы он специализировался, повысил уровень класса и превзошёл в этом обычного антинума. Но Паун этого не сделал.

Да, у него был класс [Тактика]. Но он был в нём не настолько высокого уровня. Фактически, его развитие остановилось несколько недель назад. Паун по-прежнему любил играть в шахматы, и он был лучшим игроком среди Рабочих. Но он перестал повышать уровень от игры.

И у него не было никакого интереса к использованию лука, как у Бёрда. Он не любил готовить, только есть, и у него не было жгучего желания делать в Улье что-либо ещё. Паун был уверен, что если бы он зашёл в Улье куда угодно – за исключением, может быть, комнаты Королевы, – то смог бы найти себе занятие.

В Улье всегда была работа. С тех пор как ему разрешили выходить на поверхность, Паун кое-что узнал об обычаях других видов. Очевидно, скука была для них чем-то таким, с чем приходилось бороться. В Улье это было чуждым понятием.

Ты закончил выполнять свои обязанности? В таком случае всегда можно потратить время на переработку питательной пасты, которой питались антении: пережёвывать пищу и срыгнуть её в чан, чтобы потом перемешать длинными палками. Или же тебя могут отправить в охрану от монстров, нападающих из подземелья под Лискором. Поддержать Солдат в их неустанной битве.

А если ни один из этих двух вариантов не был доступен, тебя могли назначить следить за личинками или, может быть, копать. Всегда было где копать. Прорыть обвалившийся туннель, прорыть новый туннель, углубить туннель, расширить туннель, вырыть помещение, прорыть перспективную шахту, прорыть яму для экскрементов...

Изредка Рабочие что-то строили. Это была освежающая смена темпа. Они делали деревянные опоры, чтобы поддерживать титанический вес грунта над головой, или мастерили из дерева грубые стрелы. Но даже это утомляло после нескольких часов монотонной работы, сливающихся воедино.

Это было не для Пауна. Он это знал. Он знал, что ему нужно что-то другое. И, возможно, он нашёл это. Возможно.

Но он больше не был уверен. Уверенность, вера, наполнявшие его несколько недель назад, давно ушли, и теперь Паун мог полагаться только на неопределённые воспоминания, чтобы заполнить дыру в своём сердце. Случилось ли это на самом деле? Было ли это правдой?

Действительно ли он стал [Аколитом]? Что это значило?

— Я не знаю.

Ещё одна пауза, когда Рабочие подняли взгляды. На этот раз Паун посмотрел в ответ, просто чтобы увидеть, что произойдёт. Шахматисты, как один, опустили взгляды, и он снова погрузился в размышления.

Когда-то давно антинуума допрашивали. Его спросили, кто он такой, и он не нашёл ответа. Он задавался вопросом, почему его... друзья... все погибли. Не было ли всё это напрасно. И ему был дан ответ. Луч надежды.

— Вера.

Так сказала ему девушка. Она проникла в его отчаяние и предложила ему что-то, за что можно было ухватиться. Она говорила ему о чём-то, что было выше его понимания. О Боге. И о месте... о месте, где мёртвые могли найти покой. Чудесном месте.

— Рай.

Паун вздохнул и сжал свой всё ещё заживающий кулак. Он уставился на него. Да, в ту ночь он верил. И его вера стала реальностью! Он получил навык и класс. [Аколит]. И также навык – [Молитву]. В то время это что-то для него значило, тогда он был уверен.

Бог был. Было во что верить. Но за прошедшие дни вера Пауна пошатнулась. Он больше не повышал уровень и не молился. Потому что... потому что он боялся.

Бог был. Эрин говорила ему об этом. Но не просто Бог. Боги. Она говорила о Боге, который родился и умер в её мире, но, очевидно, что этот Бог был не единственным. Другие люди верили в Бога, который был таким же, но другим, который никогда не говорил определённых вещей.

— Ты существуешь? Ответишь ли ты мне? Достоин ли я спрашивать тебя о таких вещах?

Никакого ответа. Рабочие посмотрели на Пауна и опустили взгляды на свои шахматные доски. Он посмотрел на потолок, в ту сторону, где, по словам Эрин, вероятно, находился рай. Он увидел только грязь.

Рай. Вера и Боги были для Пауна чем-то непонятным, но идея Рая, идея прощения и места, где можно быть счастливым, была тем, за что он цеплялся. Он верил в это и был вознаграждён. Но если он должен был молиться, на что указывал его навык, то кому? Богу Эрин? Только... он не был её Богом. Так она сказала. Тогда кому же ему молиться?

И о чём? Почему? Что он будет делать? И ответит ли кто-нибудь? Будет ли кому-то до этого дело, или его слова останутся неслышанными?

Паун не знал. Он не знал уже неделю, и так и не приблизился к ответу, сидя в углу шахматного зала. Часть его не хотела знать. Другая часть говорила ему поговорить с Клбкчем и его Королевой, рассказать им о своём новом классе. Но последняя часть хотела верить. Она хотела узнать об этом Боге и заставить себя поверить в него. Чтобы достичь того места, которое называлось «Рай».

Но он боялся. Боялся узнать правду. Поэтому Паун сидел в шахматном зале и думал, что произойдёт, если он помолится. Не произойдёт ничего? Или что-то, кто-то ответит? Что будет хуже?

Паун не хотел знать. Но всё же он хотел, отчаянно хотел. Он боялся, что, если он вернётся к Эрин, она скажет ему, что он был неправ. Что его класс – ошибка. Что Бог существует только в её мире. Или...

Или что Бог есть, но не для него.

Это был его самый большой страх. Бог был. Возможно. Класс, который он получил, по всей видимости, указывал на это. И Паун хотел верить в Бога. Но что, если Богу он был не нужен? Паун слишком боялся спрашивать.

Так прошёл день, пока он тихо сидел в шахматном зале и думал. Его мысли вращались по одним и тем же кругам, снова и снова. Рабочие входили в помещение, играли в шахматы и уходили. У них были свои обязанности. Но у Пауна не было ничего. Ничего. У него был только вопрос и ответ, с которым он боялся столкнуться.

И вот, как только он очнулся, наступила ночь. Паун знал это не по изменению в окружающем освещении, а по часам в голове и дежурным Рабочим. Он встал, потянулся; остальные Рабочие ждали, что он сделает или скажет. Но Паун просто вышел из помещения.

На этот раз он пошёл вверх. Вверх, в город над головой. Это был не его выбор; Паун просто почувствовал, что ноги сами несли его в этом направлении. Он поднялся наверх, вышел из туннеля, который был одним из входов в его Улей. Паун вышел на улицы Лискора, огибая дрейков, гноллов и людей, которые в любом случае и так обходили его стороной. Он вышел за ворота Лискора и, пробираясь сквозь снег, подошёл к небольшому трактиру, окна которого светились манящим тёплым светом.

Он должен узнать. Он должен, по крайней мере, спросить. Паун чувствовал уверенность в своём теле. Он получил класс и Навык, и это что-то значило. Бог был. Но примет ли Бог Пауна? Он должен знать и поэтому должен спросить Эрин. Она знала, что делать. Она всегда знала.

Но Эрин там не оказалось. Паун постучал в дверь, а затем открыл её и увидел лежащую на полу девушку. Она подняла на него взгляд, и это была не Эрин.

— Прощу прощения? Эрин Солстис здесь?

— Эрин?

Девушка лежала, свернувшись на полу. Теперь она вскочила на ноги и вытерла лицо. Её щёки были мокрыми, а глаза красными.

— Что ты... ты ведь тот антинуиум, так? Паун?

— Так и есть. Эрин здесь? Я хотел бы поговорить с ней.

— Эрин? Ты не слышал?

Девушка почти истерически засмеялась. Паун нахмурился бы, если бы мог.

— Что слышал? С Эрин Солстис что-то случилось?

— Она... пропала.

— Пропала?

Паун с недоверием слушал, как девушка объясняла произошедшее. Эрин исчезла? Как такое могло случиться? Как кто-то мог это допустить?

Часть его души жаждала выбежать за дверь, собрать Бёрда, Гарри и остальных и немедленно отправиться на поиски Эрин. Но она была в безопасности? В другом городе?

— Она в безопасности. Но пока что она не вернётся. Не думаю, что она сможет, когда вокруг столько гоблинов.

В голове антинума роились мысли, пока он обдумывал информацию. Гоблинская армия. Разумеется, безопасность Эрин была превыше всего, но, если она не может вернуться, должен

ли кто-то послать эскорт? Знал ли Клбкч? Наверняка знал, но пошлёт ли он Солдат охранять её? Что если...

— Так... ты за чем-то пришёл?

Паун удивлённо оглянулся на девушку. Да, она ведь осталась здесь, не так ли? Кто она? Кто-то новенький?

Лионетта. Так её звали. Он смутно помнил, как Эрин её наняла, но разве она не была плохим работником? Сейчас девушка была одна. Она вытерла нос, указывая на кухню.

— Ты хочешь... что-нибудь поесть?

Первым побуждением Пауна было отказаться, но это означало бы, что ему придётся покинуть трактир. А он не был готов спускаться обратно в Улей. Пока не готов. Поэтому он кивнул и сообщил Лионетте, что не может переварить глютен. Это поставило её в тупик, но в конце концов она предложила ему яичницу с беконом.

У Пауна сложилось впечатление, что такая еда предназначалась только для завтрака, по крайней мере, по словам Эрин, но он согласился. У него ещё оставались монеты, которые дал ему Клбкч. Хватит на много обедов.

Рабочий сел за пустой стол, когда Лионетта вбежала на кухню и принялась чем-то шуметь. Он уставился в стол, пытаясь думать. В его голове царил хаос.

— Эрин нет.

Ответить на его вопрос было некому. Паун сразу почувствовал облегчение, а затем ужас. Он не приблизился к ответу, а вопрос разрывал его на части. Если Эрин не может на него ответить, то...

— Вот еда!

Перед лицом Пауна появилась тарелка. Он уставился на неё и на руку, державшую её. Лионетта с тревогой смотрела на Пауна, когда ставила тарелку на стол перед ним.

— Прости. Он немного...

Бекон слегка подгорел. Яйца не были полностью прожарены, и желток немного растёкся. Паун потыкал в еду вилкой, как только Лионетта вспомнила, что её нужно ему дать. Антиниум осторожно откусил кусочек жирного бекона и прожевал.

Это было совсем непохоже на питательную пасту, которую ели Рабочие. Прошло столько времени, что Паун почти забыл вкус горячей пищи. И соль! Паун съел всё и ещё одну порцию, когда Лионетта предложила.

После он просто сидел в трактире, наблюдая за угасанием огня. Это было забавно. Он пришёл сюда в поисках ответов и не нашёл их. Но даже без них он нашёл ответ.

Эрин больше здесь не было. Возможно, она попала в беду, но Паун никак не мог ей помочь. Не в своём текущем состоянии. Он был бесполезным, одиноким Рабочим. Но если бы существовал Бог...

Эрин не было. Поэтому он мог спросить только одного разумного. Единственного, который мог знать, что всё это значит. Клбкча. Его назначили присматривать за Пауном, и обязанностью Пауна было сообщать ему о любых новых классах, которые он получал. Раньше он этого не делал, потому что был в неуверенности. Но теперь? Сейчас было самое время.

Он расскажет Ревелантору Клбкчу о своём классе и спросит, что он означает. Возможно, Клбкч знает о Богах. Паун покопался в поясе на талии и оставил то, что, по его мнению, было близко к приемлемой плате. Обычно Эрин говорила ему, что еда за счёт заведения.

Медленно выйдя за дверь, Паун вышел на снег. Он был не менее потерян, чем раньше, но, по крайней мере, теперь внутри него было что-то тёплое. Он уставился в затянутое тучами небо. Антиниум не мог почувствовать там рая. Он также не мог сказать, есть ли там Бог.

Но, возможно, он там есть. И если он есть, то Паун его найдёт. Он начал медленно идти по снегу, возвращаясь в город, к своему Улью.

Боги. Рай. Он пытался верить. На этот раз, Паун думал, что ему это удалось.

Лионетта смотрела, как Паун молча шёл по снегу, устремив взгляд вверх. За весь вечер антиниум обронил лишь пару слов. Он сидел, уставившись на огонь. Но он также съел две порции её еды и ушёл...

Девушка посмотрела вниз, на кучу монет на столе. Серебряные и медные монеты сверкали в лунном свете. Лионетта взяла кучу монет дрожащими руками. Она их пересчитала. Один раз, второй, а затем ещё раз.

Этого было достаточно. Более чем достаточно. На эти деньги она могла прокормить себя ещё несколько дней. А если он вернётся...

Сердце Лионетты заколотилось. Часть её хотела кричать от отвращения, даже прикасаясь к чему-то, к чему прикасался антинуум. Она всё ещё помнила истории о том, что они делали, какие ужасные злодеяния совершали. Но этот... Паун... заплатил ей.

Возможно, это будет одноразовым событием. Но Лион помнила, как антинуумы приходили в трактир Эрин словно по часам. И они были непривередливы; им даже нравились пчёлы, какими бы отвратительными они ни были. Они были стабильным прибыльным источником дохода. Если она сможет их обслуживать, то, возможно, она выживет.

[Принцесса] посмотрела в окно на одинокого антинуума, пока тот шёл обратно в город. Она сможет это сделать. Она сможет прожить до возвращения Эрин. Она сделает это, и она покажет Эрин, что она на такое способна. Она будет управлять этим трактиром, и он станет её замком, её убежищем до возвращения Эрин.

Всё будет хорошо. Лионетта должна была в это верить.

<http://tl.rulate.ru/book/2954/2902768>